

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ НАРРАТИВНО-ТЕМПОРАЛЬНОГО АСПЕКТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Д. Ю. Король

Повторение — мать учения.

Тогда внемли прекрасному преданию,
которое ты сочтешь сказкою,
а я полагаю истиной,
а потому и рассказывать буду так,
как рассказывают про истинные события.
Платон, «Горгий», 523a

Очевидно, что в формально-содержательном основании традиционной образовательной коммуникации (далее — ОК) лежит нарративная форма, конструктивные особенности которой варьируются в зависимости от конкретных целей и задач, но признаваемая дидактическая ценность которой остается неизменной. Нарративная форма организует содержание коммуникации таким образом, который позволяет внутри ОК поддерживать ситуацию коммуникативных обменов в изначально характерном для нарративной формализации реальности порядке. Нарративность предполагает такое знаковое воспроизводство реальности в форме рассказа о ней, которое становится возможным благодаря *запаздыванию* (или отсрочке) рассказываемого (референциального события) по отношению к самому акту рассказа (то, что далее будет обозначаться как *темпоральная дизъюнкция* нарратива). Особенно явно механизм отсрочки проявляется в дидактической функции *повторения*, которая является функциональным инвариантом образовательной коммуникации классического типа. Функционально повторение показывает, что отсрочка обладает ключевой способностью прикреплять содержательный план коммуникации к плану «вечного», наделяет свои референты трансцендентальной объектностью и превращает их в объекты образовательного коммуникативного обмена. Повторение синхронизирует то, что подчинилось его действию, выводя схваченные им содержания из темпорального ряда субъективных процедур его выражения. К такого

рода объектности можно возвращаться вновь и вновь, поскольку нарративным образом организованная образовательная коммуникация наделяет ее особой репродуктивностью. Весь традиционный корпус учебных пособий встроен в механизм закрепляющего (то есть отождествляющего) повторения, который образует *репродуктивный канон* образовательной коммуникации. Внутри этого канона повторение принимает вид *тождественного*, задавая тем самым специфический «режим истины» этого знания и, в свою очередь, процедурно встраивает последнее в повторение. Можно, вероятно, утверждать, что повторение действует и как режим распределения «мест» субъектов ОК по отношению как к чужим, так и к собственным высказываниям, поскольку принуждает любое единичное высказывание соотносить себя с возможностью быть репродуцированным. Репродуктивность контролирует процессы «случайного» в ОК, повторение отсеивает случайное, локализует его в примерах, постоянно сохраняя господствующее место для «закономерного» (ведь «привести пример» — это значит установить корреляцию случайного и закономерного, реалистически закрепить закономерное, синхронизировать его). Но если повторению удастся быть распределительным механизмом отношений высказываний и их авторов, это означает, что повторение может рассматриваться как мифо-ритуальный оператор, отвечающий за парадигмальную стабильность ОК. Универсализм повторения устанавливается как рамочное условие ОК, а нарративная референциальная отсрочка — как указание на специфическую «чистоту» ОК, ее способность «объяснять» мир, удерживая его на расстоянии.

Но можно ли обнаружить в ОК то, что не поддается повторению, что ускользает от репродуктивного схватывания? Если мы примем как гипотезу, что эффект темпоральной дизъюнкции нарратива не только сопровождает и обуславливает ОК, но и одновременно переживается субъектами коммуникации как ее условие и основополагающая ценность, то одна из главных задач ОК — *освоение знания* — может быть представлена следующим образом. Знание может «стать моим» не столько потому, что настоящее сконструировано в ОК как бесконечный экран или резервуар нарративных проекций, сколько оттого, что оно содержит в себе некий парадоксальный элемент, не поддающийся репетитативному отождествлению, ускользающий от него, но в то же время бесконечно близкий субъективному опыту восприятия.

Чтобы пояснить этот момент, обратимся к примеру коммуникативного эксперимента в университетской учебной аудитории,

суть которого состояла в том, что студентам было предложено проанализировать текстовую запись впечатлений и реакций зрителя на фильм «12 обезьян» (см. *Приложение 1*). Одна из основных трудностей, с которой столкнулись участники эксперимента и которую они постепенно осознали, состояла в том, что текст выступил такого рода коммуникативным объектом, который существенно ослабил возможность конструировать свое высказывание, используя привычную репродуктивную функцию нарратива. Нарратив комментирующего высказывания в момент его создания распадался на сингулярные оценочные суждения, которые опирались в основном на негативную локализацию текста через фигуру автора: текст в этих оценках терял свою самодостаточность и становился *примером* нарративного «помешательства». Участники ОК столкнулись с невозможностью подчинить текст логике повторяющего присвоения. Именно здесь возникает травматический эффект *безобъектного* времени ОК, темпоральный тромб, в силу которого субъект «синхронизирует» себя с каким-либо содержанием не посредством репродуктивной отсрочки нарративного типа, а каким-то другим способом. Референция первоначального текста-объекта (вследствие заданных условий этой коммуникации) не была поглощена нарративным отражением в констелляции *уже* сказанного, в сложившемся порядке дискурсивных обменов. В спонтанном, ситуативно возникшем коммуникативном «климате гетерореференции» время самой коммуникации совпало с нарративным временем. Это привело к появлению *темпорального диссонанса*, проявившегося таким образом, что нарративное время утратило ключевое преимущество универсальности перед временем самой коммуникации. Субъект, пытаясь сформулировать свое суждение о тексте, осознал, что чем больше усилий он прилагает для нарративного повторения текста в том, что субъекту уже известно, тем более эти усилия отдаляют его от самого текста, погружают в самоанализ (поэтому для многих ключевым элементом, удерживающим текст в качестве объекта анализа, стала фигура автора анализируемого текста). Гетерореференциальный кризис привел к невозможности эффективно использовать нарративный оператор «о» (в функции «рассказывать о»), устанавливающий и поддерживающий порядок и иерархию высказываний, без чего, собственно, невозможен репродуктивный канон. Поскольку у субъекта не хватило сил подчинить референциальное различие повторению, текст, вышедший из-под власти повторения, сам стал «повторять» субъекта, заставляя последнего объективировать свою «нормальность».

В записях, фиксирующих дискурсивные реакции читателей текста, видны многочисленные следы бездействия уже сложившегося в ОК нарративного механизма. Эти следы отражены в репетитивных разрывах, в которых можно увидеть, как возникает полнота ситуационного контекста. Разрывы сближают субъектов с содержанием текста таким образом, что делают их частично имманентными друг другу. Важно отметить, что повторение как такое является ключевым элементом символического обмена, оно работает в коммуникации и как функция обмена, и как его схема. Сложившаяся классическая парадигма ОК достаточно жестко связывает завершенность обмена с полнотой и завершенностью повторения. Но если задаться вопросом о цели и смысле такой финитной устремленности ОК, то можно предположить, что завершенность и полнота являются условиями референциальной модели коммуникации. Парадоксально здесь то, что «говорить о мире» в такой модели можно только после того, как мир включается в речь как референциальный объект. Зафиксированный выше темпоральный диссонанс как бы блокирует референциальный код и сталкивает субъекта с опытом инференциальной коммуникации. «Полнота» в последней достигается не линейно-последовательным систематизированием обменов на основе выявления исходной коммуникативной мотивации, а «опрокидыванием» субъекта в мир контекста, в мир текучей референциальности.

Попробуем опереться в этой ситуации на опыт литературного анализа. Рассуждая о проблемах литературного произведения, коммуникации и чтения, М. Бланшо парадоксально отмечает: *«Чтение располагается по ту или по другую сторону понимания»* (Бланшо, 2002, 199). Развивая эту догадку, Бланшо набрасывает метафорическую картину инференциальной модели чтения, лишенной привычного герменевтического каркаса: драматичным и загадочным в этом утверждении оказывается понимание чтения как *«безмолвного»* обращения к пространству, в котором чтение *«преживает»* и где *«оно обладает простотой легкого и прозрачного „Да“, каковое есть это пребывание»* (Бланшо, 2002, 199). Таким образом, по мысли Бланшо, в чтении всегда действует сила, расщепляющая референциальный слой коммуникации для того, чтобы смогло проявиться некое другое бытие гетерореференций, связать которые можно только *«простотой легкого и прозрачного „Да“*». Полнота и единство достигаются здесь тем, что утверждение (как герменевтическое схватывание) оказывается особого рода действием *легкости* (метонимической мобильности) и *прозрачно-*

ти (метафорической связности). «Да» — это утверждение полноты до референциальной верификации ее элементов. В каком-то смысле «Да» у Бланшо выступает как остановка нарративной иерархии референтов, поскольку манифестирует «время откровения» как фундаментальный опыт любого рассказа. А само «время откровения» может осуществиться только в акте предельного перформатизма, когда «Да» разворачивается как первичное благо.

Чтобы пояснить этот момент, обратим внимание на один из самых показательных примеров библейской герменевтики. Христианская коммуникативная (и педагогическая) традиция активно опирается на парадоксальную структуру нарративного времени библейского текста. В «Откровении» Иоанна (1,3) мы находим следующие строки: *«Блажен читающий и слушающие слова пророчества сего и соблюдающие написанное в нем; ибо время близко»*. Вопрос не столько в том, *какое* время близко, сколько в манифестации тревожащей близости *самого времени* откровения, близости, которая первичнее множества нарративно иерархизированных в этой среде времени событий. Парадоксальное в «Откровении» — это не новизна и странность предрекаемых им событий, а утверждение того, что время, о котором «Откровение» рассказывает, репрезентируя множественность образов и событий, есть время самого рассказа. «Блажен» тот, кто затронут этим темпоральным диссонансом, на достижение которого и нацелена христианская педагогическая техника. М. Бланшо в «Пении сирен» утверждает, как кажется, очень близкое библейскому пониманию нарративной инреференции: *«Рассказ — отнюдь не отчет о событии, но само это событие, приближение к этому событию, место, где последнее призвано произойти — пока еще грядущее событие, посредством притягательной силы которого рассказ, и он тоже, может надеяться стать реальностью. Здесь — очень деликатная связь; без сомнения некоторая экстравагантность, но она-то и есть тайный закон рассказа. Рассказ есть движение к точке не только неизвестной, неведомой, чужой, но и такой, что она, кажется, не имеет до и вне этого движения ни малейшей реальности, и при этом столь властной, что только из нее одной и извлекает рассказ свою прелесть, так что даже начаться он может не ранее, чем ее достиг; однако только рассказ и его непредвиденное движение и предоставляют пространство, где точка эта становится реальной, могущественной, притягательной»* (Бланшо, 1997, 12). Если так поня-

тый рассказ — это прежде всего событийная функция времени, в котором изъято референциальное повторение как исторический посредник, то он должен по-новому распределить герменевтические позиции субъектов чтения и письма. Каковы могут быть научные подходы к такому радикальному обновлению?

Событийная структура времени в педагогической историзирующей наррации переводит внимание на каузальную последовательность, когда причинно-следственная структура интерферирует с диахронической, поддерживая и усиливая друг друга. Вследствие этого «Да» дробится и рассеивается в процедурах верификации для того, чтобы сохраниться на уровне абстрактного принципа перед лицом коммуникативной множественности объектов. В самой ОК «Да» встроено в механизм повторения, который призван вывести утверждение за рамки ситуации, чтобы объединить его с «Да» как универсальным принципом. Во многом это обусловлено тем, что для классической ОК гетерореференциальный аспект коммуникации видится прежде всего на уровне референциальной слабости высказываний, их спонтанного, хаотического освобождения от предзаданного порядка как производства, так и распределения в поле сложившейся нарративной структуры. Следует отметить, что гетерореференциальность подрывает устойчивость нарративной формы не вследствие того, что лишает ее связи с реальным положением дел, а скорее потому, что ослабляет репрезентативную функцию нарративной формы. И здесь можно обнаружить определенный парадокс: репрезентация не столько восстанавливает «существование» вещи-события в рассказе, сколько герметизирует нарративную форму в пространстве собственной риторической эволюции. П. Рикер формулирует этот «литературный» аспект сущности нарратива весьма категорично: *«Так, репрезентация как повествование не поворачивается наивно к уже случившимся вещам; нарративная форма как таковая противопоставляет собственную сложность и непрозрачность тому, что я называю референциальным импульсом исторического рассказа; нарративная структура стремится замкнуться и исключить как нечто чужеродное, как незаконное экстралингвистическое допущение, референциальный момент повествования. То же подозрение в отсутствии референциальных соответствий репрезентации обретает новую форму под знаком тропологии и риторики. Разве эти фигуры не служат, в свою очередь, экраном между дискурсом и тем, что, как утверждается, случи-*

лось?» (Рикер, 2004, 333—334). Для ОК афферентность нарративной формы позволяет придать ей более строгий и более адекватный практике повторения характер. Механизм повторения сосредоточивает внимание субъектов ОК на правилах репрезентации, на нарративных тождествах, позволяющих реализоваться в образовательной нарративной форме коллективному субъекту речи¹, не разрушая при этом единства и инвариантности самой формы¹. «Главенство тождества, как бы оно ни понималось, предопределяет собой мир представления» (Делез, 1998а, 9). Репрезентирующее свойство нарративной формы позволяет субъекту ОК ввести в «учебную историю» дифференцию вымысла: рассказ — это всегда испытание нарративного архива на референциальную прочность. Рассказ не может быть только тождеством, но одновременно он есть практика взаимодействия субъекта речи и ее содержания.

Современные традиции научного нарратива и ассоциированной с ним проблематикой отмеченного выше взаимодействия наиболее явно выражают себя в исторических исследованиях. В новых подходах к изучению истории, в частности, у таких историков, как Ф. Анкерсмит (*Анкерсмит*, 2003) и Х. Уайт (*Уайт*, 2002), ставится проблема соотношения логики исторического времени и логики нарратива. Попытка Ф. Анкерсмита провести ревизию философии истории интересна в рамках темы ОК прежде всего тем, что она реактивирует аристотелевскую идею «*эпистемологической и онтологической непрерывности между воспринятым объектом и самим восприятием*», между сознанием и познанием, чтобы «*понять прошлое как часть нас самих. Обращаясь к его исследованию, мы осуществляем не акт присвоения чужой реальности, чуждого нам мира, а акт узнавания той части нас самих, которая с течением времени просто приобрела от нас странную независимость. Это — не ознакомление с незнакомым, но превращение знакомого в незнакомое: глубоко в нашей самости мы стали чужими сами себе и теперь, смотря в зеркало, припоминаем собственную забытую сущность, и она — реальность, а не идеальная конструкция историка*» (Кукарцева, 2003, 29—30). Такого рода подход возможен, если существует онтологический «мостик» между вещью и высказыванием о ней, если референциальная связь события и повествования определена как тождество их темпоральной структуры, реализованное в чтении-исследовании. Инференциальные «трещины» субъективных реакций на текст «12 обезьян» в этом контексте демонстрируют скорее онтологическую

беззащитность «классического» субъекта ОК по отношению к травматичной для него континуальности читаемого текста и процесса его герменевтической проработки. Откровенные лексико-стилистические аномалии текста порождают у читателей активную область «эмоциональных валентностей» чужого-в-себе (Х. Уайт), которые внутри легитимной и стандартной ОК запускают механизм интертекстуального анализа. С точки зрения последнего, сложившуюся ситуацию можно описать следующим образом: *«Возникающие в тексте аномалии, блокирующие его развитие, вынуждают к интертекстуальному чтению. Это связано с тем, что всякий „нормальный“ нарративный текст обладает определенной внутренней логикой. Эта логика мотивирует наличие тех или иных фрагментов внутри текста. В том же случае, когда фрагмент не может получить достаточно весомой мотивировки из логики повествования, он и превращается в аномалию, которая для своей мотивировки вынуждает читателя искать иной логики, иного объяснения, чем то, что можно извлечь из самого текста. И поиск этой логики направляется вне текста, в интертекстуальное пространство. Альтернатива сохраняется лишь тогда, когда аномальный фрагмент может быть убедительно интегрирован в текст двояко через внутреннюю логику повествования и через отсылку к иному тексту. М. Риффатерр так формулирует эту дилемму: „...семантические аномалии в линейности заставляют читателя искать решения в нелинейности“. Не получая мотивировки в контексте, они ищут ее вне текста»* (Ямпольский, 1993, 60).

Другими словами, пытаюсь реинтегрировать первичный текст в нормальность сложившегося нарративного опыта упорядочивания и контроля посредством дистанцирования, субъект вводит внетекстовые объекты [прежде всего — фигуру автора, которую он использует и как маркер внетекстуального, и как границу, разделяющую порядки текстуального (то есть нарративно-упорядоченного) и хаотического]. Но мир внетекстуальности для ситуации ОК — это прежде всего привилегированный мир самого субъекта, в котором активизированная фигура автора создает особый слой отношений с нарративными аномалиями. Субъект начинает пользоваться эго-редукцией, пытаюсь показать, что аномалии текста генетически связаны с некоей *первичной* аномалией (самая популярная версия которой — «ненормальность» самого автора), реальность которой устанавливается в модусе отсутствия.

Этот распространенный диагностический шаблон позволяет еще раз увидеть, как нарративная организация учебного материала различными путями вводит в ОК инстанцию *первопричины* (или первооснования). Последняя упрощает процесс консистентного объединения текстуальных и вне-текстуальных фрагментов знания/опыта, при котором их парадоксальность и не снимается, и не обостряется. Отношения *первопричин* и парадоксальных эффектов ценностно иерархизированы: поскольку первые образуют референциальный горизонт любой нарративной формы, парадоксальность, что само по себе странно, оказывается скорее той силой, которая замораживает «личное мнение», вызывая негативную реакцию субъекта. В чем тогда состоит эффект парадоксальности? Может быть, в раскрытии доксихической фиктивности «личного»? В ОК высказывание принимает форму «личного» не вследствие индивидуальной атрибуции (нарративная форма ОК в большей степени апатична к индивидуациям), а скорее, вследствие атрибуции темпоральной: «личное» — это логика последнего по времени, это то вне-репрезентативное, наполненное подлинностью «настоящее», которое выполняет роль трансцендирующего рубежа, темпорального кольца, за которым повторение теряет для субъекта свою силу. Эффект парадоксального проявляется в том, что классическая схема репрезентации не работает, эффект прорывает темпоральный рубеж, вбрасывая содержимое доксы в «настоящее».

Преподаватель же в таком центрированном на первопричине коммуникативном пространстве оказывается посредником коммуникативных позиций, организованных по принципу *внешней и внутренней ОК*. Однако его роль только институционально выглядит непогрешимой и легитимной. Онтологизируя свой «рассказ», преподаватель в то же время оказывается проводником условности его содержания и безусловности формы его выражения. Ведь вместе с появлением первопричины немедленно проявляется действие повторения так, как оно мифически зафиксировано в генеалогическом отношении.

Я рассказываю в тот момент и благодаря тому, когда все, о чем я рассказываю, уже сбылось. Мой рассказ освящает законченную форму вещей, их вновь приобретенную способность обрести себя в нарративной вечности. Но я все время бдителен, я слежу за тем, чтобы рассказ не подобрался слишком близко ко мне, чтобы он не лишил меня той уникальности, которая существует не столько благодаря моим личностным качествам, а благодаря рассказу, не позволяющему смешивать мое время со

временем других вещей и событий. Рассказ охраняет меня, но в то же самое время он угрожает мне поглощением. Деиндивидуализация или смерть есть денарративизация моего времени.

ОБСУЖДЕНИЕ

— *В основу Вашего исследования положено допущение, согласно которому образовательная коммуникация базируется на нарративной форме. С чем связано привлечение Вами именно этой «лингвистической» перспективы?*

— Нарратив можно рассматривать как лингвистическую форму, которая в ситуации реального образовательного процесса играет экстралингвистическую роль практической сборки гетерогенных содержаний и позиций субъектов ОЖ. Другими словами, нарратив понимается преимущественно как практическая деятельность, по отношению к которой повторение оказывается генерализующей процедурой связывания коммуникативных процессов и содержаний. В современном образовании становится все более активным стремление придать учебному материалу форму «истории» (эта тенденция затрагивает и такие дисциплины, как физика и математика). С одной стороны, нарратив включен в движение популяризации научного знания, с другой — обретает новую легитимность в социальной среде с интенсивным коммуникативным режимом. Наряду с этим массовизация высшего образования требует расширения и модификации языка доступа к сложным типам знания, для которых использование нарративной формы становится инструментом, обеспечивающим смысловую когерентность.

— *Правомерно ли сравнение репродуктивного канона образовательной коммуникации, описанного в Вашем тексте, и идеи Лумана об аутопоэтическом цикле в поведении систем?*

— Возможность такого сравнения, безусловно, появляется в тот момент, когда мы обращаем внимание на то, каким образом любая образовательная система воспроизводит себя на уровне собственной коммуникативной парадигмы. Граница, отделяющая образовательную систему от других социальных сред, реально конституируется в коммуникативной активности, как бы «до» и «после» институционального акта. В этом смысле *репродуктивный канон* выступает, с одной стороны, абстрактным принципом самореференции образовательной системы, с другой — выраже-

нием конкретной необходимости приводить любые содержания к порядку их нарративной репрезентации. Здесь следует отметить, что европейские образовательные системы, последовательно инкорпорируя процесс самоописания в коммуникативную норму образовательного процесса, исторически оказываются одними из самых аутопоэтических.

— *Чем обусловлено, с Вашей точки зрения, стремление образовательных субъектов к нормализации нарративного опыта?*

— Можно указать несколько причин, но в контексте нашего интереса выделить одну. Результатом появления и сохранения нарративной нормы оказывается когнитивная стабильность и коллективизация коммуникативного опыта. Нарративная норма манифестирует приоритет социального опыта над индивидуальным, преимущество связи над разрывом, структуры над функцией. Вся серия доминаций направлена на то, чтобы включить субъекта в поле коммуникативных обменов на уровне практического опыта.

---

¹ У Ж.-Ф. Лиотара есть в этой связи принципиальное замечание о том, что «нарративная форма, в отличие от развитых форм дискурса знания, допускает внутри себя множественность языковых игр» (Лиотар, 1998, 55). В ОК подобная дискурсивная пластичность нарратива позволяет субъекту ОК включить в повторение индивидуализирующие высказывание метки. Часто они формально кодируются как «личное мнение», посредством которого нарративность риторически дуэлизуется: субъект вводит в повествование различающую позицию, которая в ОК, как правило, резервируется за говорящим. Индивидуализирующее различие создает порядок «внешнего» по отношению к повторению, репрезентирующему порядок «внутреннего» (если согласиться с тем, что повторение работает с «нарративным архивом» как с контейнером научной аутентичности). «Личное мнение» в ОК не столько подвергает критике содержимое нарративного архива, сколько — в типичных условиях ОК — демонстрирует его рутинную ценность для учебных задач. Поэтому потенциал множественности для нарративной формы ОК означает в большинстве случаев риторическую технику переходов от безличного модуса к личному, от внутреннего к внешнему, от прошлого к настоящему. На пике этих переходов должен располагаться субъект ОК, проявляющий лояльность к содержимому архива через искусство его реактуализации и выражающий локальность архива путем замыкания его содержимого выражением «личного мнения», некой субъективной доксы, недоступной, с точки зрения говорящего, действию повторения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

Абельс, Х. Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию / Х. Абельс; пер. с нем. Н. А. Головина. СПб., 1999.

Автономова, Н. С. О некоторых философско-методологических проблемах психологической концепции Жака Лакана / Н. С. Автономова // Бессознательное: природа, функции, методы исследования: в 4 т. Т. 1. Тбилиси, 1978. С. 418—425.

Анкерсмит, Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Ф. Р. Анкерсмит; пер. с англ. М. Кукарцевой, Е. Коломоец, В. Катаевой. М., 2003.

Аргайл, М. Концепт ситуации в различных областях психологии / М. Аргайл, Дж. Грахам, А. Фернхем // Психология социальных ситуаций / сост. и общ. ред. Н. В. Гришиной. СПб., 2001. С. 41—57.

Аристов, С. А. Коммуникативно-когнитивная лингвистика и разговорный дискурс / С. А. Аристов, И. П. Сусов. [Электронный ресурс]. 2004. Режим доступа: <http://homepages.tversu.ru/~ips/Aristov.htm>. Дата доступа: 27.10.2004.

Арутюнова, Н. Д. Перформатив / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 372—373.

Барр, В. Социальный конструкционизм и психология / В. Барр; пер. с англ. Д. Кутузовой // Постнеклассическая психология. 2004. № 1. С. 29—44.

Бахтин, М. М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи / М. М. Бахтин. М., 2000.

Башляр, Г. Избранное. Т. 1: Научный рационализм / Г. Башляр. М.; СПб., 2000.

Бейтсон, Г. Экология разума: избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Г. Бейтсон; пер. с англ. Д. Я. Федотова, М. Я. Папуша. М., 2000.

Белинская, Е. П. К обоснованию социокультурного подхода в анализе виртуальной реальности / Е. П. Белинская. [Электронный ресурс]. 2005. Режим доступа: <http://psynet.by.ru/texts/bel5.htm>. Дата доступа: 10.04.2005.

Белорусский государственный университет: Кафедра — ключевое звено качества университетского образования: материалы науч.-метод. семинара / под общ. ред. О. А. Яновского. Минск, 2004.

Бергер, П. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива / П. Бергер. М., 1996.

Бергер, П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман; пер. с англ. Е. Д. Руткевич. М., 1995.

Бланшо, М. Последний человек / М. Бланшо; пер. с фр. В. Лапицкого. СПб., 1997.

Бланшо, М. Пространство литературы / М. Бланшо; пер. с фр. М., 2002.

Блау, П. М. Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель / П. М. Блау; пер. с англ. А. Бурака // Американская социологическая мысль: Тексты / под ред. В. И. Добренкова. М., 1994. С. 8—30.

Блумер, Г. Общество как символическая интеракция / Г. Блумер // Современная зарубежная социальная психология: Тексты / под ред. Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомолова, Л. А. Петровской. М., 1984. С. 173—179.

Будон, Р. Место беспорядка: критика теорий социального изменения / Р. Будон; пер. с фр. М. М. Кириченко. М., 1998.

Булгаков, М. А. Избранные произведения: в 2 т. Романы / М. А. Булгаков. Минск, 1990. Т. 1: Белая гвардия; Мастер и Маргарита.

Вальденфельс, Б. Мотив чужого / Б. Вальденфельс; отв. ред. Т. В. Щитцова. Минск, 1999.

Вальденфельс, Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности / Б. Вальденфельс; пер. с нем. М. В. Воронцова. М., 1991. С. 39—50.

Вацлавик, П. Психология межличностных коммуникаций / П. Вацлавик, Дж. Бивин, Д. Джексон; пер. с англ. И. Авидон, П. Румянцевой. СПб., 2000.

Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. М., 1990.

Воробьева, Л. И. Психологический опыт личности: к обоснованию подхода / Л. И. Воробьева, Т. В. Снегирева // Вопр. психологии. 1990. № 2. С. 5—13.

Выготский, Л. С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка / Л. С. Выготский // Вопр. психологии. 1966. № 6. С. 62—76.

Выготский, Л. С. История развития высших психических функций / Л. С. Выготский // Собр. соч.: в 6 т. Т. 3: Проблемы развития психики / под ред. А. М. Матюшкина. М., 1983. С. 5—328.

Выготский, Л. С. Мышление и речь / под ред. В. В. Давыдова. М., 1982. С. 5—361.

Выготский, Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский; под общ. ред. В. В. Иванова. М., 1986.

Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер; пер. с нем. М., 1988.

Гальперин, П. Я. Психология как объективная наука / П. Я. Гальперин; под ред. А. И. Подольского. М.; Воронеж, 1998.

Гарфинкель, Г. Понятие «доверия»: доверие как условие стабильных согласованных действий и его экспериментальное изучение / Г. Гарфинкель; пер. с англ. В. Г. Николаева // Социальные и гуманитар. науки: Отечественная и зарубеж. лит. Реферат. журн. Сер. 11: Социология. 1999. № 4. С. 126—166; 2000. № 1. С. 146—184.

Гарфинкель, Г. Исследование привычных оснований повседневных действий / Г. Гарфинкель; пер. с англ. Э. Н. Гусинского, Ю. И. Турчаниновой // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 1. С. 42—70.

Гарфинкель, Г. Обыденное знание социальных структур: документальный метод интерпретации в профессиональном и непрофессиональном поиске фактов / Г. Гарфинкель; пер. с англ. Э. Н. Гусинского, Ю. И. Турчаниновой // Социологическое обозрение. 2003а. Т. 3. № 1. С. 3—19.

Гарфинкель, Г. Рациональные свойства научных и обыденных действий / Г. Гарфинкель; пер. с англ. Э. Н. Гусинского, Ю. И. Турчаниновой // Социологическое обозрение. 2003б. Т. 3. № 3. С. 3—17.

Гарфинкель, Г. Что такое этнометодология? / Г. Гарфинкель; пер. с англ. А. М. Корбута // Социологическое обозрение. 2003в. Т. 3. № 4. С. 3—25.

Герасимова, В. А. Просто ни о чем... / В. А. Герасимова // Образовательные практики: амплификация маргинальности / под ред. А. А. Забирко. Минск, 2000. С. 68—71.

Герасимова, В. А. Категории описания воображения / В. А. Герасимова // Рациональность и вымысел: тезисы науч. конф. (Санкт-Петербург, 12—14 ноября 2003 г.). СПб., 2003. С. 38—40.

Герасимова, В. А. Нарративный семинар: коммуникация и эффекты / В. А. Герасимова // «Коммуникативный поворот» современного образования. Минск, 2004. С. 229—242.

Гидденс, Э. Новые правила социологического метода / Э. Гидденс; пер. с англ. С. П. Баньковской // Теоретическая социология: Антология: в 2 ч. Ч. 2. М., 2002.

Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман; пер. с англ. А. Д. Ковалева. М., 2000.

Гофман, И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман; пер. с англ. Р. Е. Бумагина [и др.]. М., 2004.

Громыко, Ю. В. Московская методологическая школа: социокультурные условия возникновения, идейное содержание, проблемы развития / Ю. В. Громыко // Вопр. методологии. 1991. № 4. С. 21—39.

Грязнова, Ю. Технология текста / Ю. Грязнова, Г. Давыдова, В. Максимов // Кентавр. 2001. № 25. С. 17—23.

Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль; пер. с нем. А. Михайлова. М., 1999.

Гуссерль, Э. Собрание сочинений / Э. Гуссерль; пер. с нем. В. И. Молчанова. Т. 3 (1): Логические исследования. М., 2001.

Делез, Ж. Логика смысла / Ж. Делез; пер. с фр. Я. И. Свирского. М.; Екатеринбург, 1998а.

Делез, Ж. Различие и повторение / Ж. Делез; пер. с фр. Н. Б. Маньковской. СПб., 1998б.

Делез, Ж. Фуко / Ж. Делез; пер. с фр. Е. В. Семиной. М., 1998в.

Джерджен, Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика / Дж. Джерджен; пер. с англ. А. М. Корбута; под общ. ред. А. А. Полонникова. Минск, 2003.

Дьюи, Дж. Демократия и образование / Дж. Дьюи; пер. с англ. Э. Н. Гусинского, Ю. И. Турчаниновой. М., 2000.

Жюльен, Ф. Путь к цели: в обход или напрямик (стратегия смысла в Китае и Греции) / Ф. Жюльен; пер. с фр. В. Г. Лысенко. М., 2001.

Золотой век дзэн: Антология классических коанов дзэн эпохи Тан / пер. с англ. А. А. Мищенко. СПб., 2001.

Ионин, Л. Г. Социология культуры / Л. Г. Ионин. М., 1998.

Ионин, Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие / Л. Г. Ионин. М., 2000.

Кашкин, В. Б. Введение в теорию коммуникации / В. Б. Кашкин. [Электронный ресурс]. 2004. Режим доступа: <http://www.countries.ru/library/intercult/kashkin.htm>. Дата доступа: 15.07.2004.

Коллинз, Р. Социология: наука или антинаука? / Р. Коллинз; пер. с англ. А. Д. Ковалева // Теоретическая социология: Антология: в 2 ч. Ч. 2 / сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. М., 2002. С. 245—280.

Комбс, Дж. Конструирование иных реальностей: истории и рассказы как терапия / Дж. Комбс, Дж. Фридман; пер. с англ. В. В. Самойловой. М., 2001.

«Коммуникативный поворот» современного образования. Минск, 2004.

Корбут, А. М. Обмен впечатлениями о тексте: версия образования / А. М. Корбут // Работа с текстом. Сер. «Современные технологии университетского образования». Вып. 1. Минск, 2003. С. 70—78.

Корбут, А. М. К вопросу о «коммуникативном повороте» современного образования / А. М. Корбут, А. А. Полонников, Т. В. Тягунова // Теория и практика коммуникации: Вестн. Российской коммуникативной ассоциации; под общ. ред. И. Н. Розинной. Вып. 3. Ростов н/Д, 2005. С. 55—81.

Король, Д. Ю. К проблеме определения ритуального аспекта образовательной коммуникации / Д. Ю. Король // «Коммуникативный поворот» современного образования. Минск, 2004. С. 180—190.

Красных, В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации / В. В. Красных. М., 2001.

Кукарцева, М. Ф. Анкерсмит и «новая» философия истории / М. Кукарцева // Ф. Р. Анкерсмит. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М., 2003. С. 29, 30.

Кучинский, Г. М. Психология внутреннего диалога / Г. М. Кучинский. Минск, 1988.

Лакан, Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда / Ж. Лакан // Московский психотерапевт. журн. 1996. № 1. С. 21—58.

Лахвич, Ю. Ф. Разработка метода анализа нарративного интервью / Ю. Ф. Лахвич // «Коммуникативный поворот» современного образования. Минск, 2004. С. 243—255.

Левин, К. Динамическая психология: избр. тр. / К. Левин. М., 2001.

Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; пер. с фр. Н. А. Шматко. М.; СПб., 1998.

Лотман, Ю. М. К построению теории взаимодействия культур / Ю. М. Лотман // Семиосфера. СПб., 2004. С. 603—614.

Луман, Н. Невероятность коммуникации / Н. Луман; пер. с нем. А. М. Ложеницина. [Электронный ресурс]. 2003. Режим доступа: http://www.soc.pu.ru/publications/pts/luman_c.shtml. Дата доступа: 17.05.2004.

Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. М., 2003.

Мамардашвили, М. К. Как я понимаю философию / М. К. Мамардашвили. М., 1990.

Маслоу, А. Психология бытия / А. Маслоу; пер. с англ. О. О. Чистякова. М.; Киев, 1997.

Матюшкин, А. М. Проблемные ситуации в мышлении и обучении / А. М. Матюшкин. М., 1972.

Мид, Дж. Разум, Я и общество (главы из книги) / Дж. Мид // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Реферат. журн. Сер. 11: Социология. 1997. № 4. С. 162—195.

Миура, И. Коаны дзэн: история коана и его применение в школе риндзай / И. Миура, Р. Ф. Сасаки; пер. с англ. Н. М. Селиверстова. СПб., 2004.

Московичи, С. Социальные представления: исторический взгляд / С. Московичи; пер. с фр. Т. П. Емельяновой // Психолог. журн. 1995. Т. 16, № 2. С. 3—14.

Мочник, Р. Субъект, который должен верить, и нация как нулевой институт / Р. Мочник; пер. с нем. Т. И. Кихтенко // Критика и семиотика. 2001. № 3—4. С. 33—66.

Мумонкан: застава без ворот: Сорок восемь классических коанов дзэн / пер. с англ. А. А. Мищенко. СПб., 2000.

Нестеркин, С. П. Гун-ань в культурно-психологической традиции чань-буддизма (анализ доктринальных основ) / С. П. Нестеркин // Буддизм и культурно-психологические традиции народов Востока. Новосибирск, 1990. С. 22—43.

Новейший философский словарь. Минск, 2001.

Ортега-и-Гассет, Х. Избранные труды / Х. Ортега-и-Гассет; сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. М., 1997.

- Пави, П.* Словарь театра / П. Пави; пер. с фр. М., 1991.
- Петрова, Г. И.* Коммуникативная онтология и современное образование / Г. И. Петрова // *Философия образования.* 2004. № 2. С. 3—8.
- Петровский, В. А.* Научное знание сквозь призму обыденного (три ответа на вопрос «Ну и что?») / В. А. Петровский // *Модели мира.* М., 1997. С. 43—46.
- Пирс, У. Б.* Координированное управление смыслообразованием / У. Б. Пирс; пер. с англ. О. И. Матяш // *Теория и практика коммуникации: Вестник Российской коммуникативной ассоциации* / под общ. ред. И. Н. Розиной. Вып. 2. Ростов н/Д, 2004. С. 131—166.
- Полонников, А. А.* Кризис личностно-определенной формы бытия человека в современной социокультурной ситуации / А. А. Полонников // *Адукацыя і выхаванне.* 1997. № 7. С. 73—81.
- Полонников, А. А.* «Не-Я» ситуации в обучении / А. А. Полонников // «Коммуникативный поворот» современного образования. Минск, 2004. С. 65—89.
- Полонников, А. А.* Образовательное чтение / А. А. Полонников // *Рациональность и вымысел: Тез. науч. конф. (Санкт-Петербург, 12—14 ноября 2003 г.).* СПб., 2003. С. 214—216.
- Поппер, К.* Нищета историцизма / К. Поппер; пер. с англ. С. А. Кудриной. М., 1993.
- Поттер, Дж.* Дискурс и субъект / Дж. Поттер, М. Уезерел; пер. с англ. А. А. Дерябина. [Электронный ресурс]. 2002. Режим доступа: <http://soc-gw.univ.kiev.ua/PUBLICAT/PSY/POTTER/pott.htm>. Дата доступа: 03.05.2003.
- Психологический словарь.* М., 1983.
- Пузырей, А. А.* Кризис научной психологии личности и ее генеалогический анализ как путь к новой практической психологии / А. А. Пузырей // *Философские науки.* 2004. № 1. С. 137—157.
- Радзиховский, Л. А.* Логический анализ и проблема понимания в психологии / Л. А. Радзиховский // *Вопр. психологии.* 1989. № 5. С. 99—106.
- Рикер, П.* Память, история, забвение / П. Рикер; пер. с фр. М., 2004.
- Рикер, П.* Повествовательная идентичность / П. Рикер. [Электронный ресурс]. 2004. Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/ricoeur/iden.html>. Дата доступа: 23.08.2004.

Росс, Л. Человек и ситуация: перспективы социальной психологии / Л. Росс, Р. Нисбетт; пер. с англ. В. В. Румынского; под ред. Е. Н. Емельянова, В. С. Магуна. М., 1999.

Росс, Л. Наивный реализм в повседневной жизни и его роль в изучении социальных конфликтов и непонимания / Л. Росс, Э. Уорд; пер. с англ. Е. Красноперовой, А. Либина // *Вопр. психологии.* 1999. № 5. С. 61—70.

Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии: в 2 т. / С. Л. Рубинштейн. Т. 1. М., 1989.

Словарь иностранных слов. М., 1986.

Соломоник, А. Семиотика и лингвистика / А. Соломоник. М., 1995.

Соссюр, Ф. Труды по языкознанию / Ф. Соссюр; пер. с фр.; под ред. А. А. Холодовича. М., 1977.

Степин, В. С. Структура и эволюция теоретических знаний / В. С. Степин // *Природа научного познания: логико-методологический аспект.* Минск, 1979. С. 179—258.

Томас, У. Методологические заметки / У. Томас, Ф. Знанецкий; пер. с англ. С. Татарниковой // *Американская социологическая мысль: Тексты* / под ред. В. И. Добренкова. М., 1994. С. 335—357.

Тягунова, Т. В. Метафизика текста и онтология «Я» / Т. В. Тягунова // *Работа с текстом. Сер. «Совр. технологии университетского образования».* Вып. 1. Минск, 2003. С. 8—20.

Уайт, Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт; пер. с англ. Е. Г. Трубиной, В. В. Харитонова. Екатеринбург, 2002.

Улановский, А. М. Теория речевых актов и социальный конструкционизм / А. М. Улановский // *Постнеклассическая психология.* 2004. № 1. С. 88—98.

Университет как центр культуропорождающего образования. Изменение форм коммуникации в учебном процессе / под ред. М. А. Гусаковского. Минск, 2004.

Финк, Э. Основные феномены человеческого бытия / Э. Финк; пер. с нем. А. Гараджи // *Проблема человека в западной философии.* М., 1988. С. 357—402.

Фуко, М. Герменевтика субъекта. Курс лекций в Коллеж де Франс, 1982: Выдержки / М. Фуко; пер. с фр. И. И. Звонаревой. М., 1991. С. 284—315.

Фуко, М. Археология знания / пер. с фр. С. Митина, Д. Стасова. Киев, 1996.

Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас; пер. с нем. С. В. Шачина; под ред. Д. В. Скляднева. СПб., 2000.

Хекхаузен, Х. Мотивация и деятельность: в 2 т. / Х. Хекхаузен; пер. с нем. Т. 1. М., 1986.

Хэйни, К. Изучение поведения заключенных и надзирателей в условиях, имитирующих тюремное заключение: в 2 т. / К. Хэйни, К. Бэнкс, Ф. Зимбардо // Общественное животное. Исследования / под общ. ред. Э. Аронсона. Т. 2. СПб.; М., 2003. С. 87—109.

Чубукова, Е. И. Консенсуальная концепция легитимации в ситуации постмодерна: Лиотар и Хабермас / Е. И. Чубукова // Человек. Природа. Общество: актуальные проблемы: Материалы 13-й международной конференции молодых ученых (Санкт-Петербург, 26–30 декабря 2002 г.). СПб., 2002. С. 27.

Шибутани, Т. Социальная психология / Т. Шибутани. М., 1969.

Шоттер, Дж. М. М. Бахтин и Л. С. Выготский: интериоризация как «феномен границы» / Дж. Шоттер // Вопр. психологии. 1996. № 6. С. 107—117.

Шоттер, Дж. Конструирование «ресурсных или взаимодействующих» сообществ: внедрение новой (диалогической) практики в наши практики / Дж. Шоттер; пер. с англ. А. М. Корбута // «Коммуникативный поворот» современного образования. Минск, 2004. С. 90—138.

Шюц, А. Структура повседневного мышления / А. Шюц; пер. с англ. Е. Д. Руткевич // Социологич. исследования. 1988. № 2. С. 129—137.

Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. М., 2004а.

Шюц, А. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия / А. Шюц // Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с англ. Н. М. Смирновой. М., 2004б. С. 7—50.

Шюц, А. Размышления о проблеме релевантности / А. Шюц // Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004в. С. 235—398.

Шюц, А. О множественных реальностях / А. Шюц // Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с англ. В. Г. Николаева. М., 2004г. С. 401—455.

Шюц, А. Чужак / А. Шюц // Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с англ. В. Г. Николаева. М., 2004д. С. 533—549.

Щедровицкий, П. Г. Проблемы непрерывного образования и педагогическая антропология / П. Г. Щедровицкий. Харьков, 1989.

Эссер, Х. Определение ситуации / Х. Эссер; пер. с нем. В. В. Козловского, Э. Ланге, Х. Харбаха // Современная немецкая социология: 1990-е годы; под ред. В. В. Козловского, Э. Ланге, Х. Харбаха. СПб., 2002. С. 30—62.

Ямпольский, М. В. Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф / М. В. Ямпольский. М., 1993.

Ясперс, К. Собрание сочинений по психопатологии: в 2 т. / К. Ясперс. Т. 2. М.; СПб., 1996.

Aiyem, M. The Canadian beaver confronts the Torpedo fish: performing our own philosophy as educator / M. Aiyem. [Electronic resource]. 1998. Mode of access: <http://x.ed.uiuc.edu/EPS/PES-Yearbook/1998/aiym.html>. Date of access: 12.05.1999.

Bormann, E. Symbolic convergence theory: a communication formulation / E. Bormann // J. of Communication. 1985. Vol. 35. № 4. P. 128—138. (Пер. А. Корбута.)

Bourdieu, P. Homo academicus / P. Bourdieu. P., 1984.

Bourdieu, P. Science de la science et reflexivite / P. Bourdieu. P., 2001.

Foucault, M. Fearless speech / M. Foucault. Los Angeles, 2001.

Garfinkel, H. Ethnomethodology's program: working out Durkheim's aphorism / H. Garfinkel. N.Y., 2002.

Garfinkel, H. Studies in ethnomethodology / H. Garfinkel. Englewood Cliffs, 1967.

Gergen, K. J. The communal creation of meaning / K. J. Gergen // The nature and ontogenesis of meaning / ed. by W. F. Overton, D. S. Palermo. Hillsdale, 1994. P. 19—39. (Пер. А. Корбута.)

Gergen, K. J. Social construction: knowledge, self, others and continuing the conversation K. J. Gergen, J. Shotter // Communication Yearbook. 1994. № 17. P. 3—33. (Пер. А. Корбута.)

Ghiglione, R. Cognition, representation, communication: traite de psychologie cognitive / R. Ghiglione, Cl. Bonnet, J.-F. Richard. P., 1990.

Heap, J. L. Writing as social action / J. L. Heap // Theory into Practice. 1989. Vol. 18. № 2. P. 148—153. (Пер. М. Соколовой.)

Heine, S. Ch'an Buddhist *kung-ans* as models for interpersonal behavior / S. Heine // J. of Chinese Philosophy. 2003. Vol. 30. № 3—4. P. 525—540.

Heine, S. White collar Zen: using Zen principles to overcome obstacles and achieve your career goals / S. Heine. N.Y., 2005.

Konrad, K. Der Umgang mit Texten: Lernstrategische Grundlagen und Beispiele / K. Konrad. [Electronic resource]. 2001. Mode of access: http://www.ph-weingarten.de/homepage/faecher/psychologie/konrad/lesen_schreiben/6_Strat_lesen.htm. Date of access: 05.07.2001.

Korbut, A. M. Toward a question of “communicative turn” in contemporary education / A. M. Korbut, A. A. Polonnikov, T. V. Tyagunova // Communication Theory and Practice: Bulletin of the Russian Communication Association. Issue 3 / ed. by I. N. Rozina. Rostov n/D, 2005. P. 52—70.

Livingston, E. An anthropology of reading / E. Livingston. Bloomington, 1995.

Luckmann, T. Aspekte einer Theorie der Sozialkommunikation. Lebenswelt und Gesellschaft: Grundstrukturen und geschichtliche Wandlungen / T. Luckmann. Paderborn; München; Wien; Zurich, 1980. S. 93—121.

May, J. Pragmatics / J. May. [Electronic resource]. 2002. Mode of access: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/118343.html>. Date of access: 08.04.2003.

Moscovici, S. De la science au sens commun / S. Moscovici, M. Hewstone // Psychologie sociale; ed. S. Moscovici. P., 1984. P. 539—566.

Ronell, A. Koan practice or taking down the test / A. Ronell // Parallax. 2004. Vol. 10. № 1. P. 58—71.

Wortham, S. Narratives in action / S. Wortham. N.Y., 2001.

Zimmerman, D. H. Identity, context and interaction / D. H. Zimmerman // Identities in talk / ed. by C. Antaki, S. Widdicombe. L., 1998. P. 87—106.

УДК 316.334:37:316.77
ББК 60.56
К63

Серия основана в 2006 году

Авторы:

**В. А. Герасимова, А. М. Корбут, Д. Ю. Король,
А. А. Полонников, Т. В. Тягунова**

Рецензенты:

кандидат педагогических наук *Е. Ф. Карпиевич*;
доктор психологических наук *Е. С. Слепович*

Коммуникативный ландшафт образования / В. А. Герасимова [и др.]; под ред. А. А. Полонникова. — Минск : БГУ, 2007. — 503 с. — (Образовательные исследования).
ISBN 978-985-485-657-5.

В монографии представлен цикл исследований, посвященных педагогическим аспектам образовательной коммуникации. Основное внимание уделяется анализу практик социального взаимодействия, в рамках которых достигаются образовательные эффекты.

Предназначается для преподавателей университетов, ученых, аспирантов, студентов гуманитарных специальностей.

УДК 316.334:37:316.77
ББК 60.56

ISBN 978-985-485-657-5

© Коллектив авторов, 2007
© БГУ, 2007